

Есть одна забытая опера у России, называется она «ля пьэтра дель параго-не», по-русски «Пробный камень», «Оселок». Вот таким добрым оселком для любого оперного коллектива представляется бессмертная вердвевская «Аида», ибо только крепкая «обстрелянная» труппа, накопившая опыт и традиции, отважится на постановку этого шедевра. Прежде всего нужно располагать квартетом солистов на ведущие партии Аиды (сопрано), Амнерис (меццо-сопрано), Радамеса (тенор), Амонасро (баритон). Все это партии высшей трудности и ответственности, требующие от исполнителей высокой культуры пения, школы и, конечно... отваги. Да и прочим солистам, равно и хору с оркестром, в «Аиде» есть что попеть и поиграть. С особым, стало быть, интересом шли на отчетный спектакль Бурятского театра оперы и балета иркутские меломаны.

Как же справились с нелегкой задачей наши друзья? Начнем наш разговор с ведущего квартета. Все четверо, бесспорно, хорошо обученные певцы, ценные профессионалы. За главную партию пела Галина Абияний. Голос звонкий, чистый, достаточно сильный и ровный во всех регистрах. Если говорить об образе в целом, то несколько озадачивает преувеличенная лиричность (разные Аиды, которых приходилось слушать, большей частью проявляли темперамент). Это, разумеется, не укор, каж-

ЗАВИДНЫЙ РОСТ

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

дый артист волен трактовать роль так, как ее понимает. Важно, чтобы трактовка убеждала. Артистка этого достигла, ее мягкая, надломленная нежностью Аида трогает, ее жалость, она вызывает сочувствие. Да не подумает читатель, что актрису обвиняют в флегматичности, неспособности к сильным эмоциям. Неверно! Свидетельство тому сцена с отцом (Амонасро), в которой артистка блистала яркими драматическими моментами. Интересно то, что в этом спектакле Аида и Амнерис как бы поменялись местами. Хочу сказать, что Амнерис заслуженной артистки УССР Марии Веденевой (дебютирующей в данной труппе) предстала экзальтированной личностью, одержимой, подчас пароксизмами страсти. Это, опять-таки, не та Амнерис, которую привыкли слышать и видеть. Интерпретация образа интересная, однако с легким опасением спрашиваешь себя: не слишком ли драматично ведет себя гордая дочь фараона в последнем действии? А может, стоило бы несколько поумерить «эффектные» мизансцены леденений, заламываний рук и т. п.?

М. Веденева отличная вокалистка с красивым нижним регистром и великолепными верхними нотами (высокие кси) взятые были блестяще!). Очень приятное впечатление произвел лауреат Всесоюзного конкурса вокалистов имени Глинки Дугар Дашиев, тенор красивого, мягкого тембра. С трудной партией Радамеса он справился. Единственно, о чем дружески хотелось бы заметить артисту, это некоторые неполадки, касающиеся высоких нот. Если проходящие си-бемоли удаются, то на протянутой этой же ноте наблюдается некоторое «разжимание» (расплывчатость) звука, иногда крайние верха артист склонен брать фальцетом. Но, делая замечания певцу, было бы несправедливым умолчать о том, что овладение высоким регистром для теноров драматических и меццо-характерных дело весьма щепотливое и сложное. Вспомним, как знаменитый итальянец Джильди долго боялся этого самого си-бемоля в арии «Небо и море» из «Джоконды» Понкиэлли.

Если уж продолжать откровенный разговор, то нужно указать еще на

отсутствии пиано и пианиссимо (тихая звучность) в высоком регистре в нужных местах партий Аиды и Радамеса. В финале оперы, например, где после драматического накала предшествующих сцен огромный эффект должно принести именно чувство следостной отрешенности, подходит к нирвану».

Очень хорош эфиопский царь Амонасро — народный артист Бурятии Саян Раднаев, обладатель звучного баритона. Великолепно провел он драматическую сцену с Аидой. В актерском смысле у С. Раднаева получилось едва ли не самый яркий, реалистический образ спектакля, продуманный в деталях.

Из остальных персонажей хотелось бы отметить И. Кочмарева (царь Египта), за его бас без «скидок», в их настоящих густых басах — стало мало, Жрицу — молодую выпускницу Владивостокского института искусства Л. Колинину.

Работу оркестра и хора следует расценить положительно, хотя проблемы, конечно, были: моменты замешательства у меди (сцена посвящения), нечисто интонировала флейта, фальшивила труба (марш), были вступления невольпад, отсутствовала арфа, не совсем чисто звучал хор жриц на сцене судилища. Но почти все это зависело от случайных об-

стоятельств. Главное же наличие — слаженность, хорошее звучание. Похвалить хочется дирижера, заслуженного деятеля искусства Бурятской АССР Аюшу Арсаланова, изрядно поднаторевшего в своем деле. Видишь, как год от года наращивает он мастерство, руководит сложным механизмом оперы уверенно, в нужные моменты властен, решителен, оперативен.

О сценическом оформлении спектакля говорить трудно, так как декорации и реквизит, сделанные для Улан-Удэ, нашей площадке не подходят. Но о разностильности сказать все же следует. Она и в костюмах (с одной стороны, верный эпохе наряд фараона, с другой, нелепый в данном сюжете «европейский» плащ Амнерис, невозможные костюмы балета в танце «Мавританских рабов»). Она и в декоративном оформлении. В сцене посвящения (храм бога Ра) нас глядит лик совсем уж не египетский.

Но все эти мелочи — ничто в сравнении с огромным ростом театра, качественным и количественным, если иметь в виду обилие постановок разных стилей, эпох и масштабов. А какие богатые вырастила республика кадры, собственные, национальные. Сколько прекрасных певцов, инструменталистов, самобытных талантливых композиторов дал Бурятский народ! И вот этому-то колоссальному подъему культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, равущего более всего.

В. СУХИНЕНКО,
музыковед.